

скажем, разболелся живот, — то есть из четверых бойцов в строю остаются трое. Так, втроем, они идут к условленному месту, и навстречу им попадается некий абсолютно посторонний джентльмен, спешащий по своим делам. Они приветствуют его, сняв свои широкополюе шляпы, и один из них говорит:

— Господин хороший, видите ли, мы попали в затруднительное положение: их четверо, а вот нас внезапно стало трое. Расклад не в нашу пользу. Не могли бы вы помочь нам?

По обычаям того времени незнакомец, широко взмахнув своей шляпой с роскошными перьями, отвечал:

— Господа, я вам крайне признателен. Вы оказываете мне честь, которой я едва ли достоин. Я и моя шпага полностью в вашем распоряжении.

И он отправлялся вместе с троицей и яростно дрался с человеком, которого раньше никогда не видел и о котором ничего не слышал. Если в итоге этот незнакомец возвращался домой целым, то значит, ему в тот день крупно повезло.

Но когда Людовик XIV, любивший, чтобы его именовали «Le Roi Soleib — «король-солнце», избавился от Мазарини и решил сам стать вести дела премьер-министра, он определенно решил покончить с дуэлями. Королю они очень не нравились — не то чтобы он что-то в принципе имел против того, чтобы его подданные убивали друг друга, но он предпочел бы, чтобы они погибали по королевской воле, а не по собственному усмотрению. Властный монарх быстро положил конец стычкам друзей виновников дуэли, да, собственно, стычкам и самих дуэлянтов тоже — для этого пришлось всего лишь повесить нескольких застигнутых за этим делом.

За период правления великого Людовика форма шпаги законодателей мод претерпела радикальные и довольно неожиданные перемены. Большая красивая рапира, вроде тех, какими орудовали миньоны или мушкетеры, уступила место оружию, которое известно нам, современным людям, как «малая» шпага. Задача сотворить для нее клинок, удовлетворительный во всех отношениях, оказалась для оружейников нелегкой, и у них ушло лет сто на достижение этак к 1770 году совершенства в виде легкого, элегантного, злого маленького трехгранного шила. В своем раннем виде лезвие малой шпаги было плоским и обоюдоострым — уменьшенным вариантом лезвия рапиры⁸. Но в таком варианте оно становилось слишком гибким, когда же его утолщали и делали четырехгранным, оружие становилось неуклюжим и разбалансированным, а владелец его вскоре утомлялся до такой степени, что шпагу приходилось держать двумя руками. Несколько мастеров того периода даже обучали своих учеников тому, как лучше это делать, — до нас дошли некоторые из подобных трактатов.

Конечно же изменения в облике оружия не могли не повлечь за собой перемен в способе его применения. Мастера шпаги быстро разработали систему, ставшую предшественницей современного фехтования. Но задачей этих мастеров было научить своих учеников драться, а не просто красиво переигрывать друг друга по академическим правилам, поэтому в их системе сохранилось много принципов «старого» фехтования, в частности парирование выпада левой рукой или использование захвата за шпагу или тело противника. С тех пор набор оружия, которым следовало уметь пользоваться, сильно сократился. Длинная рапира, меч-бастард, «близнецовые рапиры» и двуручный меч навсегда переселились на стены наследных замков и под стекло музейных витрин. Кинжал остался лишь в пользовании солдата, да и то прикрепленным к стволу мушкета, переродившись в штык. Меч остался на действительной службе в двух вариантах: в виде палаша — у военных

⁸ Здесь и далее термин «рапира» употребляется автором несколько в ином значении, чем его понимают современные специалисты. В современной терминологии словом «рапира» обозначается оружие исключительно колющее, в отличие от «шпаги», которая является колюще-рубящим оружием; однако во времена, когда писалась данная книга, эта терминология еще не была сложившейся, поэтому автор использует слово «рапира» для обозначения оружия как колющего, так и рубящего, например оружия мушкетеров. (Примеч. пер.)